

ПЕРВОМАРТОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КОРЕЙСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Александр Иванович ПЕТРОВ,
кандидат исторических наук

Известный южнокорейский политолог, а в недавнем прошлом весьма заметная политическая фигура в правительствах Ро Дэ У и Ким Ён Сама, профессор Ким Хак Чун в одной из своих последних книг по международным проблемам в Северо-Восточной Азии так открывает главу о южнокорейско-японских отношениях:

«Часто южные корейцы описывают Японию как ближайшее и все же самое отдаленное государство в регионе. Это потому, что для южных корейцев Япония географически находится близко, но фактически в психологическом плане все же остается далекой страной. На первый взгляд, эта ситуация может показаться странной по той причине, что оба государства уже стали первыми в мире по обмену персоналом и вторыми по объему торговли друг с другом.

Почему же тогда эти негативные чувства остаются? Может быть, об этом не стоит упоминать, но корни недоверия кроются в крайне «невозвучей» истории отношений между двумя странами. В 1910 г. японский империализм сделал Корейский полуостров своей колонией. Раны, нанесенные 35-летней историей репрессивного контроля при японской оккупации и ограблении, все еще нуждаются во врачевании»¹.

С этим мнением нельзя не согласиться. Поспешность, с которой японские правители превратили Корею в свою колонию, поразила тогда прогрессивно мыслящее человечество. Всего через 2 месяца и 12 дней после подписания Портсмутского договора, завершившего русско-японскую войну 1904—1905 гг., Япония навязала Корее договор об установлении протектората, как будто дело касалось исторически спорной территории, а не суверенного государства, провозгласившего себя к тому же империей. Прибрав к рукам все мало-мальски значимые бразды правления страной, Япония не замедлила полностью аннексировать Корейское государство.

Но корейский народ не принял и не мог принять этого. С первых дней водворения непрошенных заморских правителей, опирающихся на грубую военную силу, и в то же время пытающихся изо всех сил подвести под свое господство легитимную базу, он постоянно выступал за независимость, за равноправие Корейского государства в мировом сообществе.

В этом отношении первоапрельское движение 1919 г. является наиболее яркой страницей истории борьбы корейского народа за независимость от

японского колониального правления. Начавшись провозглашением независимости и мирными демонстрациями в Сеуле, движение вскоре приняло характер вооруженного восстания, прокатившегося по всей стране и выплеснувшегося затем за пределы полуострова. Оно показало непоколебимую решимость абсолютного большинства населения до конца бороться за независимость Кореи.

Несмотря на то, что в российской историографии существует значительное число публикаций, посвященных проблемам первомаэтовского движения, тем не менее это социально-политическое явление остается до сих пор недостаточно изученным. Выяснение проблем движения в процессе его развития как наиболее мощного выступления корейского народа против японской оккупации помогает лучше понять современные проблемы Корейского полуострова и всей Юго-Восточной Азии.

Корея стала объектом японских притязаний вскоре после того как в Японии были проведены первые реформы революции Мэйдзи, позволившие ей прочно встать на капиталистический путь развития. В 1871—1872 гг. наиболее агрессивно настроенное самурайство, возглавляемое Сайго Такамори, настаивало на «пробе» сил с целью покорения Кореи, но у власти оказались политики, которые ратовали за продолжение реформ и решение внутренних проблем. Немаловажное отрезвляющее значение для официального Токио имел и тот факт, что Россия была крайне заинтересована на поддержании статус-кво на Корейском полуострове, что давало ей возможность спокойно осваивать дальневосточные районы империи.

Тем не менее в начале 1875 г. Япония вторглась в пределы Кореи и 26 февраля следующего года навязала ей первый неравноправный договор, получивший название Канхваского. Согласно договору, Корея открывала для торговли с Японией порт Пусан, а через 20 месяцев также порты Вонсан и Инчхон (Чемульпо); японским подданным в Корее предоставлялось право экстерриториальности, а японские купцы получали полную свободу действий. В августе того же года были подписаны дополнительные статьи к договору, а также торговые правила, по которым японские коммерсанты получали новые привилегии, в частности право беспошлинной торговли, а также право использовать японские деньги в торговых операциях на территории Кореи².

Однако этого было для Японии явно недостаточно. Всячески поддерживая в Корее японофильские круги, японские стратеги стремились все к большему контролю как внешней торговли Кореи, так и ее политики. При этом свои далеко идущие планы они объясняли в 80-е — начале 90-х годов XIX в. «стремлением защитить независимость» Кореи от Китайской империи.

Действительно, огромное политическое влияние Китая в Корее и значительный удельный вес китайской торговли были существенным препятствием для дальнейшего продвижения Японии на Корейский полуостров. С целью изменить это положение в свою пользу 25 июля 1894 г. японские вооруженные силы без объявления войны начали боевые действия против Китая. Японо-китайская война длилась немногим более полугода и завершилась полным поражением Китая. По Симонсекскому мирному договору Китай был вынужден уступить Японии Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, о-ва Тайвань и Пэнхуледао, выплатить победительнице денежную контрибуцию, а также предоставить ей целый ряд привилегий в торговле. Кроме того, Китай отказывался от номинального сюзеренитета над Кореей, т. е. последняя и формально теперь считалась независимой.

Российское правительство с беспокойством следило за развитием событий в отношении соседней Кореи. Не возражая против установления полной независимости Корейского королевства, царское руководство тем не менее

считало, что «нельзя допустить передачи Кореи под власть Японии»³. В этой связи был предпринят целый ряд действий, которые давали понять, что Россия заинтересована в развитии Кореи как независимого самостоятельного государства. К этому времени относится и значительная активизация российской политики в отношении Кореи. В период с 1896 г. по ноябрь 1897 г. правительства обеих стран заложили «прочный фундамент дальнейшего восходящего развития русско-корейских отношений, и все эти благоприятные предпосылки, казалось бы, позволяли прогнозировать здоровый рост и развитие таких двусторонних связей и в последующий период»⁴.

Однако, начиная с зимы 1897 г., приоритеты России во внешней политике на Дальнем Востоке стали изменяться: все внимание министерства иностранных дел в этом регионе постепенно сосредоточивалось на Маньчжурии и как ее опорной точке — на Порт-Артуре. Роль же Кореи в этой политике явно недооценивалась. В феврале 1898 г. из Сеула были отозваны русские военные инструкторы, а также финансовый советник. «Россия уходила из Кореи, чем объективно был нанесен серьезный урон русско-корейским отношениям в целом и самой русской политике»⁵.

Но влияние России в Корее по-прежнему оставалось значительным. И хотя «Россия уходила из Кореи», уйти совсем она не желала даже тогда, когда в 1898 г. японское правительство открыто предложило российскому правительству разграничить между двумя странами сферы влияния по формуле «Ман Кан кокан», причем Корея стала бы сферой влияния Японии, а Маньчжурия — сферой влияния России. 1898 год, по мнению Ким Ги Чжуна, открыл новую главу в той части отношений между Россией и Японией, которая касалась их политики в Корее и Маньчжурии. К тому же международное положение Кореи «стало еще более недвусмысленно переплетено с китайской проблемой, решение которой в итоге привело к закреплению курса на колонизацию Кореи в течение следующей декады»⁶.

В 1897 г. сеульский двор провозгласил Корею империей, стремясь к проведению самостоятельной политики на международной арене. Однако вследствие экономической слабости молодой империи корейское правительство смогло лишь в апреле 1901 г. впервые назначить своих посланников в ряде зарубежных государств. Но значительная активизация к этому времени японского экспансионизма на Корейском полуострове так и не позволила сеульскому двору добиться равноправного положения на международной арене.

Япония планомерно укрепляла свои позиции на Корейском полуострове, используя все доступные средства и методы. В 1904 г. здесь ею была создана общественно-политическая организация под названием «Ильчинхве» («Единое прогрессивное общество»), незаявленной, но явной целью которого было расширение японского влияния в Корее. «Ильчинхве» из Токио оказывалась прямой финансовой поддержка⁷.

С началом русско-японской войны, а именно 23 февраля 1904 г., Япония вынудила корейское правительство подписать так называемый «японо-корейский протокол», который формально был необходим Токио для обеспечения нейтралитета Кореи в войне с Россией. Однако сеульский двор, предвидевший этот конфликт, объявил Корею нейтральным государством еще 21 января, т.е. за две недели до начала войны. Но это заявление осталось в Токио без внимания. То, что Япония взяла курс на подчинение Кореи, было ясно еще раньше, в 1901 г., когда японское руководство полностью отказалось от переговоров с Россией, стремясь найти поддержку своей корейской политики в Великобритании и США. Посол Японии в Лондоне Хаяси Тасасу тогда же заметил, что контроль Токио над Кореей является для его страны «делом национального выживания»⁸.

В статье 3 протокола от 23 февраля 1904 г. Япония взяла на себя обязательство в том, что она «определенно гарантирует независимость и территориальную целостность Корейской империи»⁹. Поражение России в войне 1904—1905 гг. моментально внесло свои коррективы в экспансионистские планы Токио: 9 ноября 1905 г., т.е. всего через два месяца и четыре дня после подписания Портсмутского мирного договора с Россией, Япония заставила сеульский двор подписать договор об установлении протектората в Корее. То, что он был навязан силой, доказывает тот факт, что император Коджон 17 числа того же месяца послал в Германию, Россию, США и Францию своих тайных эмиссаров с секретными письмами, в которых объявлял незаконность этого договора. Россия, проигравшая войну Японии и подписавшая унижительный договор, теряла в данном споре право голоса. Что касается империалистических держав во главе с Англией, то протекторат был делом в значительной мере и их рук, так как был установила Япония по предварительной договоренности с ними.

В дальнейшем события развивались стремительно. 20 декабря 1905 г. японское правительство отозвало всех корейских дипломатических работников из-за рубежа, а в первый день нового 1906 г. упразднило министерство иностранных дел Кореи: все его функции перешли к соответствующему министерству японского правительства в Токио. Еще через месяц в Сеуле был учрежден пост японского генерального резидента с многочисленной администрацией.

Покончив с внешнеполитическими ведомствами Корейского государства, японские власти обратили взор на силовые министерства. Однако помехой в этом деле являлся император Коджон, который отказывался подписывать унижительные законы и акты. 20 июля 1907 г. неожиданно последовало отречение Коджона от престола, которое произошло, как считают многие исследователи, под нажимом японцев. Это предположение подтверждается тем фактом, что уже 24 числа того же месяца был подписан новый японо-корейский договор, по которому японские власти получали право контролировать внутреннюю политику Кореи.

Касаясь вопросов закабаления Кореи японским империализмом, нельзя не упомянуть о Восточно-колониационном обществе (ВКО), которое было создано японцами в 1908 г. Наряду с Корейским банком, учрежденным годом позднее, это общество стало одним из главных орудий подчинения корейской экономики интересам японского капитала. Активы общества вначале составляли 10 млн. иен, причем 60 тыс. акций на сумму 3 млн. иен были навязаны корейскому правительству. После аннексии все эти акции были объявлены собственностью японского правительства, которое таким образом стало фактическим хозяином общества. Официальный Токио установил для ВКО ежегодную субсидию в размере 300 тыс. иен, создав ему все условия для скупки и захвата лучших земель Кореи. К 1919 г. капитал Восточно-колониационного общества был почти утроен¹⁰.

1 августа 1907 г. корейское правительство было вынуждено объявить о ликвидации вооруженных сил страны. Тем не менее министерство обороны Кореи формально продолжало функционировать вплоть до 31 июля 1909 г., когда было заявлено об его упразднении. Менее чем через год после этого японские власти взяли под полный контроль также и полицию. Этим завершилось фактическое покорение Корейского государства. Оставалось только оформить это законодательно. Настало 29 августа 1910 г. В этот трагический для судеб корейского народа день был подписан японо-корейский договор об аннексии Кореи Японией, согласно которому династия Чосон прекратила свое существование.

Все японо-корейские договоры и соглашения с каждым новым документом обнажали агрессивную, захватническую имперскую политику японского правительства в отношении соседнего Корейского государства. То, что воинственные японские самураи говорили в период революции Мэйдзи открыто, призывая к захвату Кореи, в последующие 35—40 лет официальным Токио всячески замаскировывалось. Нередко им «выдавались» даже гарантии будущей независимости Кореи. Однако результат оказался тот же. Корея как самостоятельное и независимое государство в период с 1905 г. по 1945 г. была для мирового сообщества потеряна.

Движение за независимость Кореи от японских оккупантов в новое время зародилось во второй половине 90-х годов XIX в., когда начала действовать так называемая «Армия справедливости» («Ыйбён»), состоявшая из представителей самых различных слоев корейского общества, объединенных «непримиримой ненавистью к иноземным пришельцам, пытавшимся подчинить их родину»¹¹. Кроме того, существовала так называемая «Армия, верная королю» («Кынванкун»), которая ставила своей целью помогать монарху в осуществлении его политики¹².

Наиболее крупным выступлением «Ыйбён» и «Кынванкун» в период до установления протектората является восстание под знаменами учения «Тонхак» («Восточное учение») в 1894 г., которое явилось формальным поводом для начала японо-китайской войны. Тогда восстание было жестоко подавлено. Однако через 10 лет, когда в Корею был установлен японский протекторат, действия «Армии справедливости» возобновились с новой силой. 19 мая 1906 г. отряды повстанцев численностью около 500 чел. во главе с 44-летним Мин Чжон Сиком в Хонджу вступили в борьбу с оккупантами. Это выступление считается началом движения корейского народа за независимость против Японии¹³.

Взрывом возмущения было встречено корейским народом «самовольное» отречение Коджона от трона, а также роспуск корейских вооруженных сил. Это дало новый всплеск вооруженной борьбе, которая продолжалась около 4-х лет. По официальным японским данным, число вооруженных столкновений с повстанцами в кульминационном 1908 г. достигло 1451, а численность корейцев, вовлеченных в борьбу — в 69832 чел.¹⁴

Однако силы были неравными. Хорошо обученные и вооруженные самым современным оружием японские войска жестоко расправлялись с повстанцами, чей патриотический пыл был крайне скудно подкреплен материальными средствами борьбы. Постепенно вспышки вооруженного сопротивления в Корею сходили на нет. Но это вовсе не означало, что корейский народ покорился. Методы борьбы становились другими. Патриоты уходили в северо-восточные провинции Китая, а также в Приморскую область российского Дальнего Востока.

Именно Владивосток в этот период стал одним из главных центров корейской политической эмиграции, оставаясь таковым вплоть до окончания первой мировой войны. Здесь издавались корейские газеты, создавались легальные и нелегальные общества, шла повседневная работа по активизации движения за независимость Кореи, осмысливался опыт предыдущих побед и поражений, намечались конкретные мероприятия движения. 26 апреля 1909 г. в секретном распоряжении под номером 850 начальник Южно-Уссурийского уезда писал приставу одного из станов: «Что же касается того обстоятельства, что среди корейцев... замечается стремление к образованию партизанских отрядов для восстания или защиты Кореи против японцев, то в дополнение к предложению от 11 июля 1908 г. за № 734 вновь подтверждаю, что к недопущению образования этих отрядов или каких-либо политических обществ Вами должны приниматься самые энергичные меры с принятием на себя всей ответственности за слабый в этом отношении надзор».

В первой декаде января 1919 г. в г. Никольске-Уссурийском начал работу съезд корейских представителей движения за независимость, на котором рассматривались вопросы избрания депутатов на Парижскую мирную конференцию. Съезд был организован Всероссийской центральной ассамблеей корейской общины. На него через несколько дней после начала работы прибыли также представители корейских патриотов, обосновавшиеся в Кандо (Цзяньдао — ныне Яньбяньский корейский автономный округ провинции Цзилинь, КНР). На съезде были избраны на Парижскую мирную конференцию три делегата, включая Ли Дон Хви — в прошлом высокопоставленного офицера корейской армии, а затем выдающегося деятеля движения корейского народа за независимость. Однако по неизвестным причинам эти делегаты были вскоре переизбраны, и в Париж отправились Юн Хэ и Го Чхан Иль. В дороге они узнали о вспыхнувшем в Корее восстании¹⁵.

То, что между корейскими патриотами, проживавшими в Корее, Манчжурии и в России, существовала связь, является историческим фактом. Однако вопрос о силе и характере этой связи для нас пока остается малоизученным. Можно, тем не менее, предположить, что российские корейцы непосредственно в подготовке событий, начавшихся в Сеуле 1 марта 1919 г., не участвовали. В тоже время вспыхнувшее в Корее восстание дало резкий импульс вовлечению российских корейцев в борьбу за независимость Кореи.

Необходимость начать движение за независимость была окончательно осознана в Корее в конце 1918 г., когда до интеллектуалов Страны утренней свежести дошли новости о значительной активизации политической деятельности корейской эмиграции за рубежом, а также о готовящемся созыве мирной конференции в Париже по итогам первой мировой войны. Серьезные надежды патриоты Кореи возлагали именно на Парижскую мирную конференцию, которая должна была открыться в начале 1919 г.¹⁶

Японское руководство всячески старалось воспрепятствовать проникновению правдивой информации об этом международном форуме и особенно о его работе по вопросу о самоопределении «малых и слабых народов», провозглашенной в «14 пунктах» Вудро Вильсона. Даже в Японии, где находилось большое число корейцев, в основном рабочих и студентов, информация о Парижской конференции всячески процеживалась. 28 января 1919 г. в издающейся в Токио на английском языке газете «Japan Chronicle» было напечатано циркулярное письмо японского главного полицейского управления, в котором говорилось: «Всем газетам и журналам. Пользуясь случаем, предоставленным мирной конференцией, некоторые малые и слабые народы пытаются поднять движение за независимость в согласии с принципами самоопределения народов; в связи с этим сообщают, что некоторые корейцы поднимают подобное же движение. Всякое газетное сообщение об этом движении способно породить в умах корейцев мечтания о независимости, тем самым создавая в Корее опасность для сохранения порядка. Нам известно, что генерал-губернатор Кореи был принужден воспретить подобного рода сообщения и не допускать в Корею те органы печати, которые содержат в себе такие сведения. Если подобные сведения публикуются в самой Японии, то они могут вызвать возбуждение в умах корейцев, жительствоющих в этой стране. В глазах японской администрации подобное положение чревато серьезными неприятностями, поэтому мы просим вас быть особенно осторожными в распространении подобных сведений»¹⁷.

Включение в планы Парижской мирной конференции рассмотрения вопроса о праве наций на самоопределение было воспринято корейскими патриотами с надеждой, что Корея могла бы тоже обрести независимость мирным

путем через принятие такого решения в ходе работы этого международного форума. В США агитацией за независимость Кореи занялись в числе других Ан Чан Хо, Ли Сын Ман и Чон Хан Гён. В Южно-Уссурийском крае самой видной фигурой развернувшегося движения за восстановление самостоятельного Корейского государства был Ли Дон Хви.

Прогрессивно-мыслящие лидеры самых различных слоев корейского общества в значительной степени независимо друг от друга, но тем не менее одновременно начали действия, которыми они хотели показать миру желание корейского народа обрести независимость своей страны от японского правления. Выявляя источники первоапрельского восстания, профессор университета Ихва Ку Дэ-эль отмечает, что в Корею в то время существовало по крайней мере 4 или 5 различных центров, откуда началось это движение: религиозное объединение Чондо-гё (религия небесного пути), две христианские группы (в столице и на севере страны), студенты Сеула, которые были связаны с христианской организацией Ассоциация молодых мужчин-католиков, и Центральная школа — частное учебное заведение. Важнейшим звеном среди этих центров профессор Ку называет объединение Чондо-гё, исповедывающее национальную религию¹⁸.

22 января 1919 г. последовала смерть императора Коджона, породившая упорные слухи, что он был отравлен японцами. Естественно, это не могло не вызвать глубокого возмущения корейского народа. Обучавшиеся в Японии студенты создали политическую организацию, развернув активную деятельность за независимость своей родины. Че Пхаль Ён, Ким До Ён, Со Чхун, Ли Чжон Гын, Пэк Кван Су, Юн Чхан Сок, вошедшие в центральный орган организации, послали Сон Ке Бэка в Корею для установления более тесных контактов с патриотами на родине, а сами занялись сбором денежных средств для финансирования движения, а также подготовкой типографского шрифта, чтобы напечатать декларацию независимости, которую они подготовили. Вскоре текст декларации независимости был отпечатан, в чем непосредственное участие принимали Че Вон Сун, Чхон Гван Хо, Ли Гван Су и др. 8 февраля на собрании студентов в здании Ассоциации корейской католической молодежи (мужского пола) декларация независимости была торжественно зачитана, после чего прошли демонстрации. В тот же день многие студенты, участвовавшие в этих мероприятиях, были арестованы японской полицией.

Решимость студентов дала новый мощный заряд патриотическому движению в самой Корею. В первой декаде февраля в Сеуле Сон Бён Хи, Квон Дон Чжин, О Сэ Чхан, Че Рин, И Чжон Иль и др. обсуждали вопросы, связанные с провозглашением независимости родины. В то же время Сон Чжин У, Хён Сан Юн, Че Нам Сон и другие патриоты выработывали сам механизм восстановления независимости своей страны. В частности, было принято решение, что декларацию независимости должны подписать и провозгласить представители всего корейского народа — «народные представители»¹⁹.

Несмотря на то, что Сонг Чжин У и Че Нам Сон вступили в контакты с влиятельными, патриотически настроенными деятелями последних лет династии Чосон, это не дало ощутимых результатов. Переговоры были продолжены через Ли Синг Хуна, который представлял протестантов, и через Че Рина от Чондо-гё. Ли и Че оказались хорошими политиками: многие влиятельные представители корейского общества приняли участие в движении за независимость. К ним примкнули также известные буддисты Хан Ён Ун и Пэк Ён Сон. Таким образом, для подписания и провозглашения декларации независимости от христиан было избрано 16 чел., от Чондо-гё — 15 чел. и от буддистов — 2 чел. Генеральным представителем был избран Сон Бён Хи.

День похорон императора Коджона был назначен японскими властями на 3 марта. Ожидалось, что народ начнет съезжаться со всех уголков Кореи. Этим решили воспользоваться корейские патриоты, избрав днем для провозглашения независимости 1 марта. Было решено, что декларация будет зачитана в полдень в парке «Пагода» в самом центре Сеула, а затем будут распространены листовки и прокламации с текстом декларации, после чего пройдут мирные демонстрации народа в поддержку независимости. 28 февраля народные представители в последний раз перед началом исторического события собрались в доме Сон Бён Хи в микрорайоне Кахве-дон.

1 марта 1919 г. с самого утра в парке «Пагода» начали собираться студенты и простые корейские трудящиеся. Вскоре здесь уже насчитывалось не менее 4—5 тыс. чел. в основном студенческой молодежи. Когда грянул выстрел пушки, возвещавший о том, что наступил полдень, представитель студентства Чон Чже Ён торжественно зачитал текст декларации независимости Корейского государства. Размахивая сотнями полотен национального корейского флага, студенты и все присутствующие в парке выкрикивали лозунги «Да здравствует независимость!» и др. После этого все вышли из парка и мощными колоннами двинулись по улицам Сеула по направлению к зданию, в котором был выставлен гроб с телом короля Коджона. Отдав дань уважения своему последнему императору по особому обряду, одна колонна двинулась к генеральному консульству США, а другая — к зданию японского генерал-губернатора.

33 корейских народных представителя, которые поставили свои подписи под декларацией независимости (первой — подпись Сон Бён Хи), собрались в ресторане «Мёнвольгване». Примерно в 2 часа дня Хан Ён Ун зачитал декларацию независимости. Собравшиеся приветствовали провозглашение независимости дружными возгласами «Да здравствует независимость!», после чего они сами позвонили в полицию и сообщили о своем собрании. Через некоторое время все 33 народных представителя были арестованы.

1 марта собрания и демонстрации в Сеуле закончились в основном в 6 часов вечера, хотя отдельные выступления проходили вплоть до полуночи. Кроме того, демонстрации и выступления прошли в этот день также в Пхеньяне, Кэсоне, Сончхоне, Анчжу, Ёйчжу, Хванчжу, Вонсане, Хамхыне, Чжинампхо и других городах и местностях. В последующие дни не работали заводы и фабрики, пустовали школы, были закрыты учреждения и конторы. Народ ясно выразил свои чаяния и устремления к свободе и независимости. А 28 марта политический деятель династии Чосон Ким Юн Сик направил японскому генерал-губернатору письмо с напоминанием о том, что Корея провозглашена независимым государством.

В Приморье и Приамурье активность корейцев, действовавших в значительном взаимодействии с лидерами первоапрельского движения в Маньчжурии и даже в самой Корее, была довольно высокой. Так, в августе 1919 г. Ли Дон Хви проживал в Корейской слободке г. Владивостока и занимался организацией партизанского отряда для военных действий против японцев на территории Приморской области. Он был тесно связан с А.М. Краснощековым через священника В.В. Огая, проживавшего в Хабаровске, а также через председателя корейского национального совета В.А. Муна, проживавшего во Владивостоке. Помощниками Ли Дон Хви были Чэй И Сун, Чо Чжан Ван, Ким Ха Сек и др. Японские власти в Корее бросили на разгон демонстраций и подавление первоапрельского движения все силы. По всей стране выступления корейского народа за независимость жестоко подавлялись вплоть до физического уничтожения участников движения. Страшным примером является распра-

ва японских регулярных войск над мирными жителями деревни Чжеамни близ города Суводна. Согнав всех жителей от мала до велика в деревенскую церковь и наглухо закрыв ее дверь, солдаты открыли сначала беспорядочный оружейный огонь, а затем подожгли церквушку, в результате чего около 30 чел. сгорели. Примеры массового уничтожения корейцев были не единичными. Но первоапрельское движение корейского народа за независимость уже нельзя было остановить. Оно, жестоко подавляемое внутри Кореи, вышло за ее границы и уже набирало силу в Маньчжурии и Приморье.

Всего в ходе демонстраций и массовых выступлений с 1 марта и до конца апреля 1919 г. по всей стране и за ее пределами, по официальным источникам, было арестовано 46948 чел., 7509 чел. убито и 15961 чел. ранен. В движении за этот период приняли участие 2023089 человек²⁰. Кроме того, карателями было сожжено 700 жилых домов, 47 церквей и 2 школы²¹.

Японское правительство, осознавая всю бесперспективность политики тирании и военно-полицейского режима в Корее, было вынужденно перейти к культурной стратегии на полуострове.

Среди лидеров первоапрельского движения росло понимание того, что для более успешного руководства сопротивлением необходим постоянный центральный орган. В марте-апреле 1919 г. в Шанхай начали съезжаться представители корейской диаспоры из Китая, России, США и других стран, где должен был формироваться такой орган. 11 апреля был избран Временный политический совет из 30 представителей корейской политической эмиграции. Этот Совет принял временную хартию, состоящую из 10 статей, на основе которой был сформирован первый состав Временного правительства Кореи в изгнании. Председателем Временного политического совета стал Ли Дон Нён, премьер-министром — Ли Сын Ман, министром внутренних дел — Ан Чхан Хо, министром иностранных дел — Ким Гю Сик, министром юстиции — Ли Си Ён, министром финансов — Че Чжэ Хён, министром обороны — Ли Дон Хви, министром транспорта — Мун Чхан Бом и т.д. Ким Гю Сик был назначен полномочным представителем временного правительства Кореи на Парижской мирной конференции, куда он выехал 18 апреля. Корейский представитель был также послан и на заседания Бернского интернационала социал-демократических партий в Швейцарии, стоявших на позициях буржуазно-демократических реформ. Вторая конференция Бернского интернационала, заседавшая в августе 1919 г. в Люцерне, приняла резолюцию, призвавшую Лигу наций, а также Японию и остальные державы мира предоставить Корее независимость.

11 сентября 1919 г. была принята временная конституция Кореи, которая состояла из восьми глав и 58 статей и была ориентирована на создание в Корее президентской республики. На ее основе сформирован кабинет министров во главе с президентом. Президентом избрали Ли Сын Мана, премьер-министром — Ли Дон Хви, министром внутренних дел — Ли Дон Нёна и т.д.

Временное правительство Кореи в изгнании пережило трудности идеологического, политического и финансово-экономического характера. Нельзя забывать и о том, что в период первоапрельского движения как в Корее, так и за ее пределами сформировалось несколько временных правительств, которые готовились принять власть после обретения Кореей независимости. Однако шанхайское правительство было наиболее представительным и легитимным, последовательным и в формировании государственных органов, и в принятии законодательных актов государства.

Падение монархического строя и последовавшая затем победа социалистической революции в России не могли не оказать влияния на политические

настроения как среди корейской эмиграции, так и в самом шанхайском правительстве. Борьба между демократической и коммунистической фракциями серьезно осложнила его работу по руководству освободительным движением за независимость Кореи²².

Созданный в марте 1919 г. на учредительном съезде в Москве Коминтерн приступил к активной работе среди корейской политической эмиграции: «В Корею коммунисты должны усилить свою работу в рядах пролетариата и в своем стремлении к всестороннему повышению активности и укреплению организаций рабочей и крестьянской федераций добиваться реорганизации профессиональных союзов, охвата ими важнейших слоев рабочего класса и увязки экономической борьбы с политическими требованиями. В то же время они должны теснейшим образом связывать требования национального освобождения страны с лозунгом аграрной революции, приобретающей все более актуальное значение вследствие возрастающей в условиях разбойничье-колониального режима пауперизации крестьянства. В рядах трудящихся масс, охватываемых крупными религиозно-национальными союзами (Чен До-гио и др.), необходимо вести терпеливую революционно-просветительскую работу, дабы освободить их из-под влияния национал-реформистских вождей. Во всех существующих революционных массовых организациях должно быть укреплено коммунистическое влияние»²³.

Уже в 1920 г. в Шанхае была предпринята попытка создания корейской коммунистической партии, однако она оказалась неудачной; вскоре партия была распущена. Впоследствии деятельность корейских коммунистов на территории Маньчжурии была сопряжена с большими трудностями, так как китайские милитаристы относились крайне негативно ко всякого рода коммунистическим организациям и их связям с российскими большевиками.

Временное правительство в изгнании вело большую организационную внешнеполитическую и военную работу внутри Кореи, поддерживаемую корейским народом как в самой Кореи, так и за ее пределами. Так, в Корею повсеместно специальными представителями шанхайского правительства собирались средства на нужды движения, которые затем переправлялись за границу²⁴.

Это была существенная помощь в организации корейского национального движения за независимость, а также в распространении идей свободы. Первоапрельское движение корейского народа и его лозунги носили справедливый характер, как социально-политическое явление оно было объективно-закономерным. Однако из-за недостаточной организационной работы и слабости материальной базы, а также в связи с осложнившейся ситуацией на международной арене корейский народ не добился своей цели.

Создание временного правительства Кореи в изгнании свидетельствовало о том, что корейские патриоты стремились установить в Корею буржуазно-демократический строй. Однако в этом вопросе среди лидеров национально-освободительного движения не было единства, здесь сказалось влияние социалистической революции в России. Поэтому политический спектр руководства движением был весьма широк.

Международное положение Японии на начало первоапрельского движения было достаточно прочным. После установления протектората и аннексии Кореи японское правительство смогло значительно укрепить свои позиции на международной арене. Поэтому развитые капиталистические державы, не желая обострять свои отношения с Японией, не прислушивались к требованиям корейского народа предоставить ему независимость.

Движение носило массовый характер и имело широкую социальную основу. Будучи само по себе показателем высокого гражданского пафоса ко-

рейского народа, оно дало мощный импульс дальнейшему росту его самосознания. Первоапрельское движение было частью антиимпериалистической, антиколониальной борьбы поработанных народов Азии за свободу и независимость. После 1 марта 1919 г. национально-освободительное движение корейского народа вступило в новый период организованной политической и вооруженной борьбы против японских захватчиков. Требования корейского народа поддерживали как Советский Союз с позиций пролетарского интернационализма, так и многие международные организации (Бернский интернационал), стоявшие на позициях буржуазной демократии. Первоапрельское движение, несомненно, оказало значительное влияние на политический климат соседних государств и развитие народно-освободительных движений в колониальных и полуколониальных странах.

¹ Kim Hakjoon. Korea's Relations with Her Neighbors in a Changing World. Seoul: Hollym, 1993. P. 539.

² Тягай Г.Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в., М., 1960. С.57.

³ Международные отношения на Дальнем Востоке: Кн. Первая. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973. С.175.

⁴ Пак Чон Хё. Россия и Корея. 1895—1898 гг. М., 1993. С.150.

⁵ Там же. С.151.

⁶ Kim Ki-jung. The Road to Colonization: Korea Under Imperialism, 1897-1910 // Korea Journal. Vol. 38, No. 4. Winter 1998. P. 42.

⁷ Пак Чон Хё. Там же. С.11.

⁸ Kim Ki-jung. Op. cit. P. 46.

⁹ Yi Tae-jin. The Illegality of the Forced Treaties Leading to Japan Annexation of the Great Han Empire // Korea Journal. Vol. 36. No. 4. Winter 1996. P. 59.

¹⁰ Шабшина Ф.И. Народное восстание 1919 г. в Корее. М., 1958. С.13.

¹¹ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983. С.134.

¹² Ku Dae-yeol. Korea Under Colonialism. The March First Movement and Anglo-Japanese Relations. Seoul: Seoul Computer Press, 1985. P. 2.

¹³ Хангук инмионг тэ сачжон (Большой корейский биографический словарь). Сеул, 1992. С.258.

¹⁴ Ku Dae-yeol. Op. cit. P. 3.

¹⁵ Op. cit. P. 43.

¹⁶ Op. cit. P. 51.

¹⁷ Далекая окраина. 1919. 9 февр.

¹⁸ Ku Dae-yeol. Op. cit. P. 51.

¹⁹ Сам-иль минчжок хэбан юндон ёнгу (Исследование по первоапрельскому народно-освободительному движению). Сеул, 1989. С.230—231.

²⁰ Шипаев В.И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1966. С.80.

²¹ История Кореи. Сеул: Международное радио Кореи KBS; Институт международного образования при Министерстве просвещения Республики Корея. 1995. С.177—178.

²² Ли Ён Бок. Дэхан мингук имси чжонбуэ ёксачжок висан (Фазы истории временного правительства Кореи) // Хангук минчжок ундоный ёкса ва мирэ (История и будущее корейского национального движения). Сеул, 1999. С.164.

²³ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции: На примере Китая. Сб. док. М., 1934. С.89—90.

²⁴ Н. Ким. Под гнетом японского империализма: Очерк современной Кореи. Владивосток, 1926. С.127.

SUMMARY. «The First of March Movement for Independence of the Korean People» is the title of the article by Candidate of Historical Sciences A. Petrov. As it is obvious from the title the question is about the struggle of Korean people for freedom and independence against Japanese Colonial Rule. The movement began in the March of 1919 with peaceful demonstrations in Seoul. Then it took form of armed rising which involved all the country and overstepped the limits of the Korean Peninsula.